

К тому времени, когда небольшой музыкальный ужин затих, была уже глубокая ночь. Остался всего час до того, как солдаты пойдут к своим кроватям, и произойдёт смена караула на стенах. Я сидел на столе с лютней на коленях, перебирая струны и брэнча простые аккорды, пока солдаты за столами раскачивались. Никто не был пьян, но многие были навеселе. Они наслаждались теплом медовухи, пропитывающей их кости.

Кружки стучали о деревянные столы. Равномерный ритм, резонировал с ломким звуком моей лютни. В воздух поднялся хор голосов. Пение улыбающихся мужчин и женщин за столами с едой и хорошими новостями.

\*

Бокал налей за армию, медовуху и вино,

Вместе мы творим историю, смеёмся и поём,

За победу нашу выпей ты бокал, подними свой голос с хором голосов,

Спой за ужасов конец и процветания начало.

Выпьем за конец пути и боли окончание,

И после ужина сегодня, вместе посмеёмся и поспим.

\*

Эпилог, так называлась эта песня. Песня о конце и начале. Её пели, когда образовалась Коалиция четырёх, чтобы дать отпор врагам из Запределья. Её исполняли в моей деревне, когда солдаты проходили через неё после успешной битвы. Или, когда наёмники пили в тавернах. Бойцы оплакивали погибших.

И это был гимн путешественников по разломам, отваживающихся на битву во тьме далеких, потусторонних измерений.

Эпилог был песней побед, трагедий и поражений. В его тексте я видел холмы и огромные горы. Далекие дороги, уходящие за край горизонта. Деревья в ночи. Светящихся жуков в темноте. Теплые костры и мягкие пледы, уложенные на траву и землю. Музыка сильна, а когда ею делятся, она становится ещё сильнее. Пока я играл, а солдаты пели, мир замедлился. Как и всегда, когда я играл на лютне. В этот момент мы были изолированы. Стали осколком мира, который не пожалел времени, чтобы вспомнить прошлое.

Я закрыл глаза и представил себе все сотни миль, пройденные мной. Мелкие озёра, огромные леса. Погибшие и затопленные земли. А когда я снова открыл глаза, я посмотрел вперёд.

Впереди ждали горы. Долгий подъем вверх, туда, где находился Хартленд.

Где ждал отец.

Увидеть его живым своими глазами было бы моим финалом. Долгожданным разрешением всего того, что я пережил за последние несколько месяцев. Я не знал, что будет после этого. Мне было всё равно.

Я просто хотел снова увидеть улыбку своего старика. То, что я пережил за эти месяцы было небольшой ценой за это.

Рука легла на моё плечо, и я почувствовал, что улыбаюсь. Аами сидела рядом со мной, ярко ухмыляясь при свете костра, она притянула меня к себе, покачиваясь, пока набивала лицо индюшачьей ножкой. Мы двигались из стороны в сторону и наслаждались музыкой. Компанией вокруг нас.

Я уставился на небо. Если жизнь отныне будет такой, то я даже не против.

Бессмертие было не так уж плохо с такими друзьями, как она.

Песня, которую я играл, закончилась с последним ударом кружки о стол. После этого не было никаких возгласов или хлопков. Песня закончилась, и мы просто сидели в уютной тишине, вокруг нас слышалось негромкое бормотание разговоров. Несколько смешков то тут, то там. Улыбаясь, я подтолкнул Аами локтем в бок.

«Спасибо, что вытащила меня сюда,» - сказал я. «Я не знал, что мне это нужно.»

Она пожала плечами с озадаченным видом: «Это было очевидно. Но ты не знаешь многих очевидных вещей, так что это не удивительно. Ты слишком односторонне мыслишь для своего же блага.»

«Да?»

«Помнишь тот раз, когда ты заметил пятно на одном из инструментов леди ворон? Вивиан? Ты два часа пытался оттереть его, пока не понял, что пятно было на внутренней стороне.»

Я криво улыбнулся: «Так ты это видела.»

«У меня много глаз,» - сказала она, и один глаз открылся на её щеке, как бы доказывая эту точку зрения. Он закрылся, и Аами усмехнулась. «Я вижу много вещей, за которые тебе стыдно. Я думаю, что в половине случаев, ты даже не осознаёшь, что делаешь.»

«Да? Скажи лучше, что именно такого я делал, что должно меня смущать?»

«Ты поёшь во время принятия ванны, верно? Однажды я видела, как ты захлебнулся водой после того, как вылил себе на голову ведро. Потом ты оглянулся, чтобы проверить, не смотрит ли кто.»

«Чёрт. Ты видела это?» спросил я, прежде чем нахмуриться. «Нет, главный вопрос в том, почему ты вообще смотрела.»

«Мне было интересно, на что похожа анатомия амаридов. И как только я всё выяснила, я начала чувствовать себя самодовольно из-за того, что мне не нужно мыться,» - сказала она, с ухмылкой покачивая пальцами. «Все поры на моей коже - это миниатюрные рты. Я просто ем любую грязь, которая попадает на меня, Роуэн. Я самоочищаюсь.»

«Это отвратительно, Аами.»

«Ты просто завидуешь, что я объективно лучше, как форма жизни.»

Фыркнув, я улыбнулся и ткнул пальцем в её лоб. Аами отшатнулась.

«Ой.»

«Оставь моё время купания в покое,» - сказала я ей. «Это моё драгоценное время.»

«Твоё драгоценное время включает в себя захлебывание водой?»

Я поднял руку, чтобы снова ткнуть её, и Аами рассмеялась, откинувшись назад, чтобы увернуться. Она подняла руки в знак капитуляции. Я покачал головой и встал, затем зевнул, вытянув руки над головой. Шоггот бросила на меня любопытный взгляд.

«Тебе редко, когда хочется спать,» - сказала она.

Я зевнул ещё раз. «Я вернул часть своего Имени,» - сказал я, потирая глаза. «Поскольку потеря его была тем, что сделала меня бессмертным, похоже, что часть моей смертности вернулась ко мне. Я чувствую себя действительно уставшим. Я и забыл, как раздражает сонливость.»

«Я пробовала это несколько раз. Спать. Это было приятно. И отчасти вызывает привыкание.»

«Ну, с тобой всё будет в порядке, если ты не будешь слишком этим злоупотреблять.» Я повернулся и положил свою лютню на стол рядом с ней. Солдаты вокруг нас всё ещё отдыхали, ожидая комендантского часа, но с меня достаточно выступлений на эту ночь. Я устал. Даже измотался. Кто бы мог подумать, что работа в течение семи дней подряд будет такой утомительной?

Озадаченный, я перевел взгляд на Аами. Она возилась с моей лютней. Перебирала струны. Она встретила мой взгляд и улыбнулась, а я ткнул большим пальцем в сторону лагеря.

«Знаешь хорошее место для ночлега где-нибудь не подоплёку?»

«Они сделали мне домик с несколькими кроватями в нём. Я назвала его "Комната счастья".»

«Комната счастья? Конечно,» - рассмеялся я, прежде чем мой смех был прерван зевотой. Мои глаза казались тяжёлыми. Раздражённый, я покачала головой. «Я собираюсь пойти и поспать, пока не вырубился прямо здесь, так что... спокойной ночи? Странно говорить это снова.»

«Разве странно? Бассау келар, Роуэн,» - ответила Аами, и я моргнул. На её лице появилась ухмылка. «Впечатляет? Присия научила меня старому каэри. Я пойду и помогу ей прибраться, так что иди и спи без меня. Я не могу всё время быть твоим одеялом, ты же знаешь. Тебе нужно научиться жить самостоятельно.»

Как дерзко. Похоже, Присия оказала на неё хорошее влияние, если Аами научилась так шутить. Стала другом, который помог шогготу раскрыться. Я рад за неё. Язвительно улыбнувшись, я повернулся и помахал Аами на прощание.

«Твоя настоящая форма - удобное одеяло, но не настолько. Не зазнавайся. Ты в лучшем случае вдвое лучше моего плаща.»

«Оооо, однажды ты возьмёшь свои слова обратно. Вот увидишь.»

Хмпф. Теперь она прекрасно поладит с Венти, я уверен. Теперь, когда у Аами появился язык и она может постоять за себя, они не будут так часто ссориться. Было бы забавно посмотреть за их спором, когда мы снова воссоединимся.

Но это в другой раз. Сейчас имеет значение только одно, и это хорошая, удобная кровать.

Я зевнул и направился в "комнату счастья", которая, по иронии судьбы, выглядела как дом

убийц. Тёмные окна, следы когтей и зубов, из которых составлено название дома, и участок отравленной земли слева. Подойдя, я нахмурился, глядя на растаявший суглинок. Яд впитался в землю, что должно было уже убить окружающие деревья. Но кто-то пришёл, чтобы исправить ситуацию. Отравленная почва была мертва, но противоядие убило яд до того, как он смог распространиться.

И это было сделано недавно. Только сегодня вечером. Я повернул обратно к дому Аами и обнаружил небольшой поднос, поставленный рядом с дверью. На нём стояла чашка чая, которая поддерживалась горячей, лежащем на дне активированным огненным семенем. До моего носа донёлся знакомый пряный аромат моего любимого шаа.

Только один человек, которого я знал, подогревал чай подобным образом.

Я потянулся вниз и взял чашку, а потом заметил под ней сложенный лист бумаги. Я открыл его.

Приходи завтра на работу - гласила надпись.

Мой взгляд задержался на знакомом почерке, и буквы практически выпрыгнули с листка, произнося слова в моей голове голосом, который я знал слишком хорошо. Я вздохнул. Затем опустил взгляд на чашку глубокого кофейно-коричневого цвета. Крепкий чай. Хорошо подходит для холодных ночей и сезона дождей, согревает кости и помогает заснуть.

Я выпил всё несколькими глотками.

На вкус он был точно таким же, как я помнил.

Я вошёл в дом, мои мысли опустели, я нашёл кровать в одной из комнат. Я упал в неё лицом вперёд, уткнувшись головой в единственную подушку. Сегодня мне было весело. Передышка после недели труда. Но всё закончилось. На моих руках горели рубцы от фантомных ссадин, напоминая о давно ушедших временах. Я закрыл глаза.

Завтра мы с мамой снова будем вместе.

\*\*\*

Когда я пришёл на работу, мама была такой же, как всегда. Строгой и сосредоточенной. Профессиональной. Как будто вчерашней ссоры не было, и она решила, что лучше просто забыть обо всём. Меня это вполне устраивало. Только предки знали, как сильно я боялся разговора с ней после вчерашнего.

Это хорошо. Это отлично.

«Извлеки амальгаму\*,» - сказала она, и я кивнул. Я взял зачарованный скальпель из имеющихся у нас инструментов и склонился над котлом с маной. Внутри находилась вибрирующая масса ртути, быстро формирующая полосы амальгамы с небольшими вкраплениями алюминия. Получившийся в результате сплав был испещрён хрупкими белыми линиями. Будто трещинами. Свет в них ждал, чтобы вырваться наружу

\*(Амальгама – сплав ртути с другим металлом)\*

Мой скальпель с легкостью разрезал сплав, избегая каждой из трещин на внешней стороне. Я захватил пинцетом кусочек и вытащил его наружу. В чашку Петри, которую мать поместила во

второй активатор.

«Тестирование ртутно-алюминиевой амальгамы,» - сказала она, и я записал её слова на планшете. «Ввожу каплю яда из капсулы Б-33.»

Яд с шипением соприкоснулся с амальгамой. Линии белого света стали красными и злыми.

«Активирую.»

Мать повернула рычаг сбоку. Магия заполнила внутреннюю камеру активатора, конденсируясь. Сгущаясь, она превратилась в осязаемый фиолетовый туман, парящий над сплавом.

Амальгама втянула туман внутрь. Красный свет усилился.

А затем он стал чёрным.

Мои глаза расширились. Я бросился к стоящей рядом бутылке с отрицательной энергией. Слишком медленно. Мама наклонила активатор вверх и в сторону и...

Из устройства вырвался поток чёрного металла. Миллион маленьких иголок вонзились прямо вверх, врезались в потолок и выбили один из светильников. Комната задрожала. Пыль посыпалась из пробитых в потолке отверстий, и я выдохнул, опустившись на стул рядом со столом. Мама уставилась на потолок, затем перевела взгляд на датчики активатора. Она постучала по одному из них и кивнула.

«Увеличение потенциала на двести тридцать шесть процентов,» - отметила она. Я записал это. И как только я это сделал, дверь в комнату открылась, и в лабораторию вошла группа шиссави. Они уставились на чёрный металл, медленно разъедающий дерево вокруг него. Превращающий его в пузырящуюся серую жижу.

Я махнул рукой в их сторону. «Здесь не на что смотреть. Просто небольшой казус. Убирайтесь отсюда, пока не надышались здешним воздухом. У вас нет такого иммунитета, как у нас.»

Одного из них вырвало.

Я снова выдохнул. Мать, не глядя, швырнула бедняге пузырёк с противоядием, а другие шиссави потащили его на улицу, подальше от отравленного воздуха. Дверь с шипением закрылась за ними. Из-за зачарования на её раме, удерживающего воздух внутри. Мать просто проигнорировала токсины, плавающие вокруг, и взяла бутылку с одного из столов. Она вылила её содержимое на чёрный металл, и серебристая смесь тут же начала распространяться. Она разъедала ядовитый сплав. Реакция протекала с шипением, выделяя тёмный пар, который заполнил лабораторию.

Мама посмотрела на меня: «Какой у тебя уровень сопротивления?»

«Степень "В". Последний раз проверялся семь месяцев назад.»

Обычно это был высокий уровень. Даже слишком для большинства алхимиков. Но это был токсин, созданный Ведьмой скверны. Даже последствия его воздействия были смертельно опасны - настолько, что довели меня до предела сопротивления. Это было знакомое ощущение: кончики пальцев нагрелись, затылок онемел. Появилось такое чувство, что искусственные антитела внутри меня истощаются быстрее, чем успевают размножаться.

Мама кивнула на мой ответ и направилась к двери. Она открыла её.

«На выход,» - приказала она, и мы вышли на улицу. Воздух здесь был свежим. Безопасным. Она провела нас двоих вниз по лестнице, в комнату ожидания этажом ниже. Это было простое место - почти без мебели, за исключением небольшого подноса с закусками и стола. Из открытого окна слева от двери веяло свежим воздухом. Через него я мог видеть покачивающиеся деревья и здания, построенные друидами, шелестящие под штормовым ветром.

Мама прошла мимо меня и вошла в комнату, спокойная, как всегда. Она включила нагреватель, стоявший на подносе, и положила внутрь знакомый пакетик.

Аромат чая наполнил воздух. Цитрусовый.

Она налила себе чашку, а я сел лицом к окну.

Пока мы сидели здесь, очистительные руны над нами фильтровали воздух в лаборатории. Избавлялись от яда, пока наши антитела восполнялись. Я позволил своему разуму отвлечься на другие темы и снова зевнул. Мама поставила передо мной чашку чая и села на противоположный край стола. Она тоже смотрела в окно, делая длинные, размеренные глотки чая.

Я опустил взгляд на свою чашку. Лицо Ашрана отражалось в чае. Но это было другое лицо. Оно не было похоже на два предыдущих.

Такова была цена, которую этому плетению пришлось заплатить за гибкость.

Ашран много кем был. Он был алхимиком, кузнецом и бардом. Он был искателем приключений, путешественником и странником на дороге. Смертным. Его имя на древнекереитском означало "адепт". Маска, которую можно призвать, приспособив её правила к тем навыкам, которые я хотел использовать. Но у него никогда не будет одного лица. Каждый раз он будет разным. Его трудно запомнить, и ещё труднее развить.

В конце концов, как может Имя стать сильнее, если его репутация разделена между столькими личностями?

Но я не жалел об этом. Немногое стоит больше, чем свобода.

Мать отстранила свою чашку.

«У тебя сегодня другое лицо,» - сказала она, не отрывая взгляда от окна. Я кивнул.

«Оно будет другим каждый день. Завтра тоже. И каждый день с этого момента. Правила, которым я следую, не позволяют мне использовать одно и то же лицо дважды.»

Она немного пошевелилась. Небольшой кивок, едва заметный из-за наклона её подбородка.

На несколько долгих мгновений между нами воцарилось молчание.

Мать снова нарушила его.

«Я научила тебя алхимии,» - сказала она.

«Это так.»

«Когда я начала учить тебя?»

«В пять лет.»

Я увидел, как она крепче сжала свою чашку. Совсем чуть-чуть. Я наклонился в сторону, уставившись на стену, подбородок лежал на тыльной стороне ладони. Мой чай остался нетронутым. Мама сделала глоток из своей чашки.

«Сколько тебе лет?»

«Мне исполнилось восемнадцать два месяца назад.»

«...Ты знаешь?»

«Что знаю?»

«Какой сейчас год.»

Мое горло скрутило в узел. Ответ был отрицательным. Я не знал. Но у меня были подозрения. Уже давно. Мой взгляд переместился на трое-светный компас, прикрепленный к моему бедру - предполагалось, что он всё ещё находится в стадии разработки. Теперь же это обычный гаджет. Я носил такой. Некоторые из шиссави тоже носили их.

Потом я посмотрел на свою престарелую мать с её всклокоченными волосами и морщинистым лицом и...

Я покачал головой. Мать перевела взгляд на свою чашку.

«Этой весной мне исполнилось сто восемнадцать лет.»

Ей было девяносто семь, когда меня забрали. Двадцать один год назад, время пролетело в мгновение ока. Наступила тишина. Она сделала глоток, и её глаза стали отстранёнными.

«Фейри не просто забрал твоё имя. Он забрал у тебя и годы. Я не знаю, почему. Никто не знает,» - сказала она, вздохнув. «Пока тебя не было, мы с Ругшем переехали в Фельзан, туда где будет лучше для семьи. Я вышла на пенсию. Твоему младшему брату на прошлой неделе исполнилось двадцать лет. И всё это... они забрали у тебя.»

Я уставился на неё, на мгновение. Молча. Кто была эта женщина передо мной, которая притворялась, что ей не всё равно? Что в её костях есть хоть капля сочувствия, в то время как она использовала всю мою жизнь, чтобы доказать обратное? Я покачал головой и полностью развернулся к ней, наблюдая, как она смотрит в окно, как будто ей больно. Как будто это была её трагедия. Я смотрел на её хрупкую, старую фигуру. Она была практически незнакомкой для меня.

Я опустил глаза: «Ты ничего не помнишь обо мне, да, мама?»

Она покачала головой. Я кивнул.

«А отец?»

«Он тоже. Но он жив. Здоров, благодаря тебе.»

«И ты спасла его. Ты вылечила его рак и у вас появился ещё один ребёнок.»

«...Да.»

Она не смотрела на меня. Я не думаю, что она смогла бы, даже если бы хотела этого. Я думал, что был готов к этому. Вивиан уже объяснила мне природу моей Безымянности, и я надеялся, что восстановление части моего Имени, благодаря Страннику что-то сделает. Что оно вернёт меня назад.

Я ошибался.

И я был готов грустить. Я был готов плакать, кричать и ломать вещи в гневе. Я мысленно готовился ко всем возможным сценариям, но теперь, столкнувшись с правдой, я ничего не почувствовал. Я получил свои ответы. Это были факты, холодные и неопровержимые. Не было никаких эмоций, которые я мог бы использовать, чтобы выразить то, что я чувствовал по этому поводу. Поэтому я просто сидел и смотрел, пил мамин шаа.

На вкус он был такой же, как я помнил. И только я помнил.

Некоторое время мы сидели в тишине. Воздух был мертвым, сухим, он ждал, но то, чего он ждал, так и не случилось. Устройство на талии Эланы Киндлбрайт зазвонило.

И так наш перерыв закончился. Я встал и направился к двери.

Элана задала вопрос в пустой воздух.

«Была ли я хорошей матерью, Ашран?»

Её голос раздался у меня за спиной, и я повернул голову. Я встретил её взгляд, её отчаянные глаза. Теперь она смотрела на меня. Действительно смотрела. И впервые в жизни она не могла скрыть за своим взглядом тревогу, грозившую разорвать её изнутри.

Я мог бы избавить её от боли. Я мог бы солгать этим глазам, оправдать её. Заставить её поверить, что кем бы я ни был, я любил её как свою мать.

Это было не то, что я хотел сделать. Я повернул ручку. Открыл дверь.

«Не совсем,» - сказал я и вышел, дверь за мной закрылась...

И так я наконец-то остался один.

<http://tl.rulate.ru/book/60551/1891556>